

Дики адыгского прошлого

ИСТОРИЧЕСКОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ выпуск 20 (79)

ХАДЖРЕТОВА КАБАРДА

Хаджреты

Кубанские кабардинцы в контексте этнополитической истории Черкесии

Слово хаджрет (хъжрэт) переводится с адыгского как переселенец. (Словарь кабардино-черкесского языка. М.: «Дигора», 1999. С. 726). В основе адыгского термина лежит арабское слово *хаджи*, звучащее по адыгски как *хъжы* и обозначающее человека, совершившего хадж (паломничество) в Мекку. Таким образом, в смысл адыгского термина хаджрет заложено религиозное значение. Получается, что в основе мотивации человека, совершающего переселение, лежит стремление следовать своей религии, сохранять ее в тех новых условиях, которые представляет сам факт ухода со своей родины.

Само собой разумеется, что за такой очевидной религиозной оболочкой скрыты не менее существенные социально-политические и экономические причины переселения. Религия всегда выступает как знамя социальной и политической борьбы. В данном случае, это была борьба населения Кабарды против царских захватчиков, отнимавших не только свободу народа, но и разрушавшего вековые устои общественной жизни и морали.

Завоевание Кабарды сопровождалось жестокими карательными экспедициями, аннексией большей части исконно кабардинских земель. Кабардинский народ самоотверженно сопротивлялся потере свободы и земли, но был вынужден покориться и принять все те весьма и весьма жесткие требования, которые предъявило царское командование в регионе и само царское правительство. Часть народа, решившаяся во что бы то ни стало продолжать борьбу с захватчиками, переселилась в Западную Черкессию (Закубанье) и получила наименование хаджретов. Сразу надо заметить, что переселение кабардинцев происходило в рамках одного историко-культурного пространства, известного как Черкесия, являвшегося, по сути, страной адыгов или общеадыгским этнокультурным и политическим пространством.

Название предложенного вниманию читателей обобщающего материала – Хаджретова Кабарда. Такое название позволяет охватить как процесс сопротивления населения Кабарды царской агрессии в период Кавказской войны, так и

собственно историю хаджретской (переселенческой) общины кабардинцев в Западной Черкесии после 1804 г.

Под Хаджретовой Кабардой можно понимать и всю Большую Кабарду, охваченную пламенем народных антиколониальных восстаний, и ареал расселения кабардинцев в Закубанье, поскольку территория хаджретов на Урупе была своего рода Кабардой в миниатюре. Здесь действовали те же законы общественной жизни и те же требования уточненно кабардинского этикета, что и в самой Кабарде.

При всей условности предложенного наименования, оно, на наш взгляд, вполне отвечает задачам научного исследования и превосходно маркирует тот исторический пласт, который был вызван к жизни решительным шагом наиболее самоотверженной части кабардинского народа.

Мы совершенно осознанно не будем, за исключением цитат из источников, пользоваться высокомерным колониальным определением «беглые кабардинцы», которое так долго навязывалось и которое не отражает сути рассматриваемого исторического события.

Внимательный исследователь истории кабардинского хаджрета Т. Х. Алоев обращает наше внимание на определение «вольные кабардинцы» в труде Р. А. Фадеева: «в своих «Письмах с Кавказа» он определил существенную черту хаджретов, назвав их «вольными кабардинцами». Бесспорно, это является концептуально значимой характеристикой их политического статуса». (Алоев Т. Х. «Беглые» кабардинцы: формирование в Закубанье массива кабардинского населения и его участие в Кавказской войне в 1799-1829 гг. Автореферат. Нальчик, 2006. См. также: Фадеев Р. А. Кавказская война. М.: Эксмо, 2003. С. 162).

Введение «Родовых судов и расправ» в Кабарде с целью установления прочного административного контроля

Вторая русско-турецкая война второй половины XVIII в. (1787-1791) завершилась 29

декабря 1791 г. подписанием в молдавской столице Яссах мирного трактата между империями. Россия признала зависимость закубанских народов от Порты.

Ясский договор привел к относительной стабилизации положения в Западной Черкесии. Она перестала быть целью для вторжений многотысячных континентов войск. Но небольшие по масштабу столкновения имели место постоянно и, время от времени, происходили крупные карательные экспедиции.

После утверждения военной власти над Кабардой, правительство стало предпринимать шаги, направленные на достижение административного контроля. В 1791 г. был выдвинут проект учреждения в Кабарде так называемых родовых судов: «Необходимость учреждения судов особенно вызывалась тем, что вся судебная власть начала переходить в руки мулл, первых злейших и опаснейших врагов России, стремившихся всеми силами мусульманского фанатизма ослабить упорение русской власти в Кабарде». (Грабовский Н. Ф. Присоединение к России Кабарды и борьба ее за независимость // Сборник сведений о кавказских горцах. Вып. IX. Тифлис, 1876. С. 176).

В 1791 г. правительство продолжило наращивать военное присутствие в регионе Кабарды. С этой целью было заложено укрепление на Куме, а также редут Воровсколеский на Кубани.

28 февраля 1792 г. последовало «Высочайшее повеление» на заселение укрепленной линии между Кабардой и Закубаньем шестью полками Донского казачьего войска. Это царское распоряжение вызвало явное неповиновение со стороны донских казаков, граничащее с мятежом. В результате быстрая колонизация бывших западных районов Кабарды между реками Малка и Кубань не произошла.

Одновременно, 28 апреля 1792 г., последовала личная инструкция Екатерины II начальнику войск на Кавказе Гудовичу о том, какие меры надлежит использовать для окончательного покорения Ка-

барды. Императрица отмечала, что «не единой силой оружия предлежит побеждать народы в неприступных горах живущие, и имеющие в оных надежные от войск наших убежище; но паче правосудием и справедливостью нужно приобретать их к себе доверенность». (Там же. С. 174). Далее содержится указание «всячески ласкать и привлекать...» и даже наблюдать за тем, чтобы войска и начальники военные не чинили своеволия в отношении горцев, «отогнанием табунов, хищением и тому подобным образом».

Только что поощрив кабардинских князей за кубанский поход, в ходе которого они подтвердили свои властные притязания на абазин, императрица через своих сановников предписывала «строжайше запретить кабардинцам нападать на соседей, подданных России, удерживать их от этого всеми средствами и объявить, что за всякое самовольное нападение на соседей – осетин и ингуш – они будут подвергаемы строгой ответственности, как за нападения на коренных русских обитателей». (Там же. С. 175).

Отправной точкой длительного конфликта стало учреждение в 1793 г. в Большой и Малой Кабардах, по распоряжению Екатерины II, Родового расправочного суда: «Родовые суды и расправы». В Большой Кабарде два Родовых суда и две Родовых расправы; в Малой Кабарде – один Родовой суд и одна Родовая расправа. Над ними стоял «Верхний пограничный суд» в Моздоке, в ведение которого переданы все наиболее важные дела политического и уголовного характера.

Одновременно было запрещено кабардинцам «отлучаться за границы России без дозволения главного воинского начальника в крае». Запрещалось созывать общественные собрания, что стало началом конца кабардинских политических институтов. Кроме того, воспрещалось собираться знатной молодежи «для промыслов удалства».

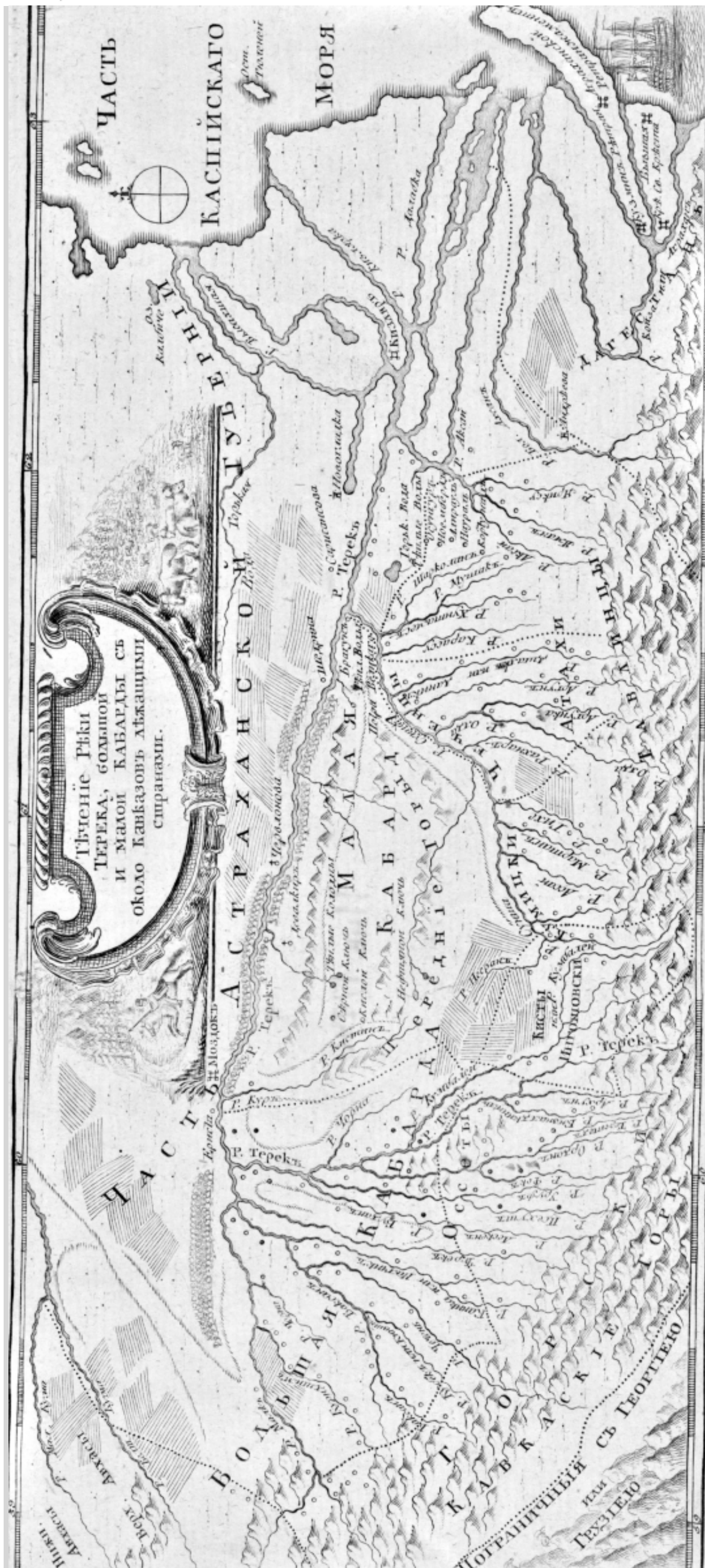
Т. Х. Алоев отмечает, что на протяжении 30 лет, с 1763 по 1793 гг., в Кабарде существовали устойчивые переселен-

ческие настроения. Тем не менее, кабардинский социум сохранял устойчивость и «миграционные всплески затухали, так и не находя реализации». (Алоев Т. Х. Исторические предпосылки возникновения миграционного движения в Кабарде во второй половине XVIII века // Исторический вестник. Вып. III. Нальчик, 2006. С. 255).

«В 1793 году, – отмечает Алоев, – Россия перешла к качественно новой стадии завоевания Кабарды. К опробованным методам захвата территории и подавления сопротивления прибавилось стремление контролировать внутреннюю жизнь в незавоеванной части Кабарды посредством родовых судов и расправ. Только тогда, в ходе борьбы против введения оккупационного режима на подконтрольных политической элите страны территориях, кабардинское общество вплотную столкнулось с дилеммой: оставаться на своих местах и потерять свободу или же переселяться в закубанскую часть Кабарды и сохранить независимость. Именно с этим периодом, когда кабардинцы вели борьбу за упразднение навязанных Российской империей родовых судов и расправ и замену их шариатским судом, получившую в историографии название шариатского движения, связан первый этап миграции кабардинцев в Закубанье». (Там же. С. 255-256).

В 1793 г. кабардинские владельцы направили к анапскому паше своего представителя Шумаху Наурузова – сына Науруза Исламова. Кроме него, другие представители кабардинцев направились, под предлогом хаджа, в Стамбул, чтобы довести до султанского правительства сведения о своем положении и заручиться поддержкой. В результате последовал фирман султана Селима III, адресованный кабардинским и дагестанским владельцам, духовенству и народу. Фирман обещал всемерную, вплоть до военной, поддержку и защиту всем мусульманским народам от Черного моря до Дербента. Султан сообщил своим бывшим подданным, что им отправлен к российскому двору посланник с требованием отказаться от владычества над Крымом и Кабардой. В случае отказа, султан намеревался весной 1794 г. объявить России войну.

ХАДЖРЕТОВА КАБАРДА

Течение реки Терека, большой и малой Кабарды с около Кавказов лежащими странами. - [Санкт-Петербург]: [Географический департамент АН]: 1772. - 1 л.: Грав.; 13x38 (19x40). Российская Национальная Библиотека (Санкт-Петербург). Отдел картографии. К 1-Кав 1/8.

Очень показательны пределы Малой Кабарды, достигавшей на восточном направлении устья Сунжи (Sunscha). Прямо в крайнем восточном углу, образуемом Терекон и Сунжей, показано селение Брагуны (Dragun). Речка Назран (Nesran) вполне уверенно может быть соотнесена с адыгской топонимической традицией: от нарт-санэ «Нартов вино». В 1781 г. территория Кабарды была описана офицером российской службы Штедером: «На правой стороне реки, на выступе лесистого предгорья, имелись следы старых кабардинских жилищ на крутых берегах реки Эндерипис, которая несколько ниже впадает в Сунжу. Их позиция была в высшей степени прочной и выгодной для жителей степи: теперь же все здесь пусто». На реке Назран Штедер отметил «остатки другого поселения малокабардинцев: надгробные памятники, абрикосы и другие плодовые деревья их прежних садов и т. д.». (Штедер. Дневник путешествия в 1781 году от пограничной крепости Моздок во внутренние области Кавказа // Северный Кавказ в европейской литературе XIII-XVIII веков. Сборник материалов. Издание подготовил В. М. Аталиков. Нальчик: «Эль-Фа», 2006. С. 253, 265).

В феврале 1794 г. в Кабарде началось восстание с требованием ликвидации родовых судов. Оно было подавлено в самом начале и в Кабарде на протяжении 9 месяцев находятся войска. В 1795 г. вновь восстание в Кабарде с требованием ликвидации родовых судов. На сей раз значительная часть владельцев и населения «удалились в горы». Введение войск в Кабарду и их нахождение там в течение 5 месяцев. Руководители восстания подполковник Исмаил Атажукин, его брат Адиль-Гирей Атажукин и подполковник Атажуко Хамурзин были арестованы и поселены под присмотром в Екатеринославе.

Летом 1796 г. происходит вооруженное выступление кабардинцев. Двухтысячный отряд подступил к Константиногорской крепости с целью увести абазинское и кабардинское население, сгруппированное в районе этого укрепления. Дело ограничилось нападением на роту егерей.

В 1797 г. кабардинцы медлят принимать присягу на подданство императору Павлу I. Присяга проводится только с прибытием батальона пехоты. На следующий год в Кабарду вводят Уральский казачий полк, которому было поручено вызывать с населения все штрафы, а также освободить всех русских пленных. Поскольку большая часть русских пленных уже была продана в другие районы Кавказа, командование получило взамен их 34 раба, половина которых, «по высочайшему повелению... была отдана в рабство помещикам, взамен похищенных у них людей, а другая — определена в военную службу, во внутренние сибирские гарнизоны, с зачетом за рекрут от тех казенных селений, кои потерпели от кабардинцев потерю своих людей». (Там же. С. 179).

В 1799 г. началось волнения в Кабарде во главе с бежавшим из Екатеринослава Адиль-Гиреем Атажукиным. В этот период должны были пройти выборы судей на очередной трехлетний срок. Атажукин обратился к народу с призывом бойкотировать выборы и восстановить шариат. Под угрозой со стороны трех батальонов пехоты, кабардинское собрание на Баксане было вынуждено разойтись, а А.-Г. Атажукин вместе с пятью мул-

лами удалился за Кубань. Оказавшись за Кубанью, Атажукин попытался переселить подвластные ему 200 семейств, а также убеждал переселиться абазин из района Константиногорской крепости. В этот момент переселение не осуществилось.

4 марта 1800 г. 300 кабардинцев, «руководимые некоторыми молодыми и непостоянными их владельцами», изгнали из осетинской деревни Каражаев пристава ротмистра Давыдова и подчиненную ему команду из 20 казаков, «так и священника с причетом». (АКАК. Т. I. С. 717). Как отмечает Грабовский: «Русское начальство хотело-было послать на защиту осетин военную силу, но намерение это было оставлено, так как 28 мая 1800 года последовало высочайшее повеление о том, чтобы стараться как можно меньше вмешиваться во внутренние дела горцев между собой, пока эти распри не будут вредить интересам русского населения». (Грабовский Н. Ф. Присоединение... С. 180).

Таким образом, в Кабарде произошло некое замораживание ситуации, поскольку царскому правительству, начиная с 1799 г., было не до вмешательства во внутренние дела Кабарды. В это время в Европе и в бассейне Средиземного моря происходят весьма бурные политические и военные события, вызванные неывалой французской агрессией — походами Наполеона в Италию и Египет. Французская революция привела к череде военных конфликтов между Францией и европейскими монархиями, которые вместе взятые едва могли сдерживать натиск наполеоновской армии.

В апреле 1800 г. произошла попытка абазин-тапанта переселиться за Кубань. Это массовое переселение было подготовлено Адиль-Гиреем Атажукиным, лидером антиколониального движения в Кабарде, который с 1799 г. находился в Западной Черкесии.

Ген.-л. Кнорринг 6 мая 1800 г. сообщает, что Адиль-Гирей, после безуспешных попыток восстановить духовный суд в Кабарде, на протяжении зимы 1799-1800 гг. находился в Закубанье. Адиль-Гирей стремился переселить своих подданных в Закубанье и тут же говорится, что ему удалось

ХАДЖРЕТОВА КАБАРДА

«разными посторонними внушениями почти весь абазинский народ, ... обитающий за Константиногорской крепостью на сухой черте кордона, между рек Кубани и Малки, уйти за Кубань и поселиться на избранных им выгодных местах, обещая им полную ни от кого независимость». Для прикрытия переправы абазин он во главе пополнения закубанцев в 1000 всадников встал лагерем на левом берегу Кубани. Отряд под начальством ген.-м. Лихачева заставил абазин возвратиться: «захватил частью перегнанных уже за Кубань абазинских более 3000 лошадей и 8000 разного скота и арестовал знатнейших абазинских владельцев». (Всеподданнейший рапорт ген.-л. Кнорринга, от 6 мая 1800 г. // АКАК. Т. I. Тифлис, 1866. С. 719-720). Абазинские владельцы, по всей видимости, получили прощение от командования. Адиль-Гирей, тем не менее, не оставил своих планов по переселению жителей Кабарды в Закубанье.

14 мая 1800 г. ген.-л. Кнорринг с сильным отрядом вошел в Кабарду и встал лагерем напротив собрания кабардинцев («все почти до единого кабардинские владельцы и их уздени, по всегдашнему обыкновению своему конно-вооруженные более нежели в 2,000 человек») и представителей горских народов («до 500 человек было с ними посторонних жителей из многих племен кавказских народов»). Собрание в большинстве своем было против избрания судей в Родовые суды и расправы, но наведенные орудия действовали как весомый аргумент. Кнорринг отмечает, что Адиль-Гирей Атажукин был сподвижником шейха Мансура и собравшиеся находились под его влиянием. (Всеподданнейший рапорт ген.-л. Кнорринга, от 25 мая 1800 г. // АКАК. Т. I. С. 722-723).

В 1802 г. царский кабинет выдвинул идею введения на Северном Кавказе гражданской администрации, которая бы подчинялась Коллегии иностранных дел. Таким образом, данный проект предполагал некое отстранение, на манер реформа носила крайне робкий и непоследовательный характер. Реальная власть по-прежнему оставалась в руках начальника Кавказской линии и подчинить коллежскому советнику Макарову, который должен был стать самостоятельным администратором под руководством российского министерства иностранных дел. Тем не менее, реформа носила крайне робкий и непоследовательный характер. Реальная власть по-прежнему оставалась в руках начальника Кавказской линии. В этот период данный пост занимал генерал-лейтенант Кнорринг. Он саботировал новые инструкции пользуясь тем, что «постоянные волнения в Кабарде требовали вмешательства военной силы».

Полемизируя с Коллегией иностранных дел, в июле 1802 г. Кнорринг пишет об Адиль-Гирее: «В 1799 году, когда один

из беспокойных владельцев Большой Кабарды Адильгирей Атажукин, содержащийся в Новороссийске, бежав оттоле в отечество свое, рассеивал тут развратный образ своих мыслей и тогда по истечению трехлетия требовался выбор в родовые суды и расправы новых судей, от чего Атажукин убеждал их отклониться, дабы поставить Кабарду в прежнее независимое положение». (Всеподданнейший рапорт ген.-л. Кнорринга, от 12 июля 1802 г. // АКАК. Т. I. С. 746-748).

Дав вынужденно присягу в мае 1800 г., кабардинцы не оставили своего намерения восстановить шариатское судопроизводство. Хотя, разумеется, дело было не столько в восстановлении шариата, сколько в отрицании навязанной системы Родовых судов и расправ, которые являлись, фактически, колониальным институтом контроля и принуждения. Из письма Цицианова (26.12.1802) становится ясно, насколько принципиальным было для российской стороны учреждение этого института управления, завуалированного под судебную инстанцию. Он немедленно потребовал от владельцев Атажуко Хамурзина, Рослам-бека Мисостова и Кучука Жанхотова возвратиться из-за Кубани, где они находились в составе отряда Потемкина, в Кабарду и положить конец начавшимся беспорядкам. (Письмо кн. Цицианова к кабардинским владельцам Атажуко Хамурзину, Рослам-беку Мисостову и Кучуку Жанхотову, от 26 декабря 1802 г., № 233 // АКАК. Т. II. Тифлис, 1868. С. 951).

В 1802 г. последовало очередное обращение кабардинцев к российскому правительству с требованием упразднить Родовой суд. В конце этого же года кабардинцы разрушили здания родовых судов. Таким образом, были сорваны очередные трехлетние выборы в родовые суды и расправы. Во главе движения стоял полковник Росланбек Мисостов, сын известного в истории Кабарды XVIII века владельца Мисос-та Баматова.

В 1803 г. командование строит укрепление при Кислых источниках — Кисловодск: «Возведением этого укрепления прекращалась для кабардинцев всякая возможность не только на плоскости, но и по горьям сообщаться с Кубанью». (Грабовский Н. Ф. Присоединение... С. 183).

В 1803 г. началась затяжная и масштабная эпидемия чумы, охватившая центральные районы Кавказа. Распространение эпидемии началось из Грузии. На протяжении 1804-1807 гг. чума опустошила большую часть селений Кабарды и Балкарии. Чума возобновлялась ежегодно вплоть до 1813 г. Э. В. Бриммер, участник военных действий в Кабарде в 1822 г., писал: «Сильное племя кабардинцев, которое в прежние времена могло выставить в поле, под начальством своего вали, до 25 тысяч конных, хорошо вооруженных воинов, ныне, после того как чума 9 лет, с

1804 по 1813 год, ела этот народ, все еще имело довольно сильное народонаселение на плоскости, жившее там в больших аулах». (Бриммер Э. В. Служба артиллерийского офицера, воспитывавшегося в I кадетском корпусе и выпущенного в 1815 г. // Кавказский сборник. Т. XV. Тифлис, 1894. С. 81).

Офицер генштаба князь Шаховский считал потери кабардинцев от чумы настолько ужасающими, что они грозили полным уничтожением и вымиранием: «Кабардинцы были одним из сильнейших народов Кавказа, управлялись всегда князьями, которые разновременно завоевали осетинские племена: Карачай, Урусси, Чегем, Хулам, Безингии и Малкар, и пользовались от них данью; но в начале XIX века появилась чума и, свирепствуя 14 лет сряду, истребила более пяти шестых оного, а поход ген. Ермолова в 1822 году разорил и рассеял почти всю Кабарду, так что в настоящее время осталось их не более 10 тысяч душ, почему и влияние кабардинцев на осетинские племена весьма ослабло». (Рапорт шт.-к. кн. Шаховского барону Розену, от 24 ноября 1834 г., № 42 // АКАК. Т. VIII. С. 635-636).

В апреле 1804 г. последовала прокламация главнокомандующего на Кавказе генерал-лейтенанта князя Цицианова к кабардинским владельцам с требованием немедленно приступить к выборам судей. Это знаменитое по своей злобе послание Цицианова кабардинцам от 4 апреля 1804 г. демонстрирует крайнюю степень раздражения от ловкого саботажа внешне покорного населения. (Письмо кн. Цицианова почтенным князьям, узденям и эфендиям Большой и Малой Кабарды, от 4 апреля 1804 г., № 156 // АКАК. Т. II. С. 954). В случае неизбрания судей к 28 апреля Цицианов приказал генерал-лейтенанту Глазенапу «строго наказать кабардинцев». Кабардинское общество категорически не желало установления над ним чужеродных институтов. Как сообщает источник, кабардинцы «остервенились» и решились на открытую военную конфронтацию.

Авторы труда «Утверждение русского владычества на Кавказе» отмечают стремление командования посеять страх в населении Кабарды: «Поручая Глазенапу производство экспедиции над кабардинцами, главнокомандующий высказывал при этом уверенность, что войска, и в особенности казаки, будут удержаны от «войны, производимой по введенной системе более против скота, нежели людей» — «Нужно дать страх, говорил Цицианов, — а не причинение убытка. Первое есть дело непобедимого российского войска и ему принадлежит; последнее — свойственно хищникам и азиатским народам, ищущим не славы, а добычи».

«Выступив из станицы Прохладной, Глазенап 3-го мая переправился через Малку,

дошел, не встречая нигде неприятеля, до реки Баксана, отправил отсюда прокламацию кабардинскому народу и, в ожидании ответа на нее, расположился биваком на правом берегу реки в широкой горной долине. 9-го мая, в Николин день, после обедни в походной церкви, Глазенап со всеми офицерами завтракал у известного на линии своими подвигами есаула Золотарева. Люди отряда обедали. Лошади паслись на тучном лугу. Вдруг с казачьих пикетов грянул выстрел, и со стороны гор показалась туча пыли, которая неслась прямо на бивак, — то была полуторатыская партия кабардинских панцырников. Ударили тревогу. Пехота стала в ружье, а пока драгуны ловили носившихся по лугу лошадей, навстречу кабардинцам выслали 350 казаков под начальством майора Лучкина.

«Боевое поле, — говорит очевидец, — превратилось в арену, на которой состязались лучшие в мире наездники — линейные казаки и кабардинцы. С обеих сторон появились убитые и раненые. Скоро провезли есаула Золотарева, еще за час перед тем так радушно угощавшего у себя офицеров. Два казака поддерживали его на седле. Он был прострелен пулей в грудь на вылет и в ту же ночь умер. Глазенап двинул на помощь Лучкину 200 казаков Савельева, а вслед затем три эскадрона нижегородских и один эскадрон таганрогских драгун с мушкетерской ротой. На стороне русской конницы были все преимущества: стройные эскадроны на свежих и добрых конях горели желанием врубиться в толпы неприятеля; самая местность, ровная и гладкая, как скатерть, подмывала на бешеную скачку. Офицеры, находившиеся в голове колонны, кричали: «в атаку, в атаку!» К сожалению, начальник кавалерии генерал-майор Леццано, первый раз бывший в огне, так растерялся, что к общему изумлению командовал: «стой» и начал строить каре. Дело принимало дурной оборот. Верная и полная победа могла обратиться в жестокое поражение. К счастью, в это время подоспели егеря Лихачева, дружным ударом которых кабардинцы были сначала отброшены, а вслед за тем обращены в бегство». (Утверждение русского владычества на Кавказе. Т. III. Ч. 1: Время Алексея Петровича Ермолова. 1816-1826 годы. Под ред. генерал-майора Потто. Тифлис, 1904. С. 56-57).

Глазенап продвинулся на 15 верст вперед и расположился лагерем на левом берегу реки Чегема «при скопище княжеских кабардинских погребальных каменных башен».

14 мая отряд под командованием ген.-л. Глазенапа направился в Чегемское ущелье. Здесь были сожжены 12 аулов, принадлежавших лидеру мятежников Адиль-Гирею и его старшим вассалам Куденетовым. В бою получил тяжелое ранение сын Адиль-Гирея Ислам и был убит «сын бунтов-

щика Куденета» Мисост. (Рапорт ген.-л. Глазенапа кн. Цицианову, от 18 мая 1804 г., № 171. Лагерь при р. Чегеме // АКАК. Т. II. С. 941-942). О характере боестолкновения приводится такая информация: «У кабардинцев в засадах были всегда приготовлены новые толпы для подкрепления аулов, а противу флангов выпускались конные отряды панцырников. Более 3 часов прошло в беспрестьянном побоище, покамест успели вытеснить их с знатным уроном и прогнать к вершинам ущелий»; «продолжалось же оное от 11 часов утра и до 6 вечера». В другом рапорте приводится весьма важная информация о том, что на стороне кабардинцев сражались горцы: «дрались в ущельях с 11,000 отчаянно сражавшимися кабардинцами, чегемцами, балкарцами, карачаевцами и осетинцами, выбитыми из 12 окупанных аулов». (АКАК. Т. II. С. 940).

Авторы «Утверждения...» о походе 14 мая: «Пройдя от переправы (через Чегем. — Прим. С. Х.) верст шесть, по местности совершенно ровной, отряд подошел ко входу в лесистые ущелья, из которых выбивались Чегем, три Шалухи и еще несколько горных речек. По берегам их расположено было до двенадцати кабардинских аулов, тщательно приведенных в оборонительное положение: улицы были перекопаны рвами и забаррикадированы арбами, наполненными камнями; в крепких саклях и в кустах соседних склонов засели стрелки с ружьями и луками. Впереди рассыпались уздени, предводительствуя большими толпами «конными и пешими из черни». Главные силы находились как бы в резерве в глубине ущелий. Все-го собралось против нашего отряда до 11-ти тысяч кабардинцев, чеченцев, карачаевцев, осетин и прочих окрестных горских племен. (Утверждение русского владычества... С. 58-59).

Глазенап сообщает, «что из кабардинских князей многие остались к нам приверженными: полк. Рослам-бек Мисостов и подпол. Кучук Жанхотов, также ротмистр Темир Булат были со мной в сражении, а полк. Атажуко Хамурзин и Девлет Мурза Хасаев оставались в вагенбурге с прочими некоторыми князьями».

Тяжелое поражение, пережитое в мае, не помешало кабардинцам уже в июне вооруженным путем препятствовать русским войскам в Осетии. Как пишет Грабовский, «громкие скопища кабардинцев напали на русский отряд, посланный для содействия осетинам-дигорцам, изъязвившим тогда согласие переселиться на линию. Русский отряд, ввиду значительных сил неприятеля, принужден был отступить назад». (Грабовский Н. Ф. Присоединение... С. 184). Одновременно кабардинцы поставили под угрозу сообщение между крепостью Константиногорской и укреплением Кисловодским.

«Чтобы наказать кабардин-

ХАДЖРЕТОВА КАБАРДА

цев за все эти враждебные проявления, генерал Глазенап снова вступил с сильным отрядом в Кабарду, но привести свое намерение в исполнение не успел, так как в то же время большая часть кабардинских владельцев, под предводительством Росланбека Мисостова, собрав громадные толпы кубанцев, вторглась внутрь линии и вывела оттуда за Кубань всех абазинцев с их имуществом. Кроме того, ворвавшийся на линию неприятель окружил все военные посты от Прочного Окопа до Константиногорска, прекратив таким образом всякое сообщение по линии». (Там же). Как отмечает Бутков, в мае 1804 г. абазинцы-жантемировцы бегут за Кубань, «истребляя все русское на своем пути». (Бутков П. Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 год. Извлечения. Нальчик: «Эль-фа», 2001. С. 351).

Глазенап довольствовался тем, что обзаял словесно не примкнувших еще к восстанию кабардинцев воздержаться от враждебных действий и сделав заявление, что он согласен с требованием кабардинцев упразднить родовые суды и расправы, поспешно отступил в Георгиевск.

Авторы «Утверждения...» пишут о столкновении в Дигории: «В последний числа мая в Георгиевск явился старшина горского племени дигорцев Магомет Туганов с просьбой переселить их в русские границы и тем избавить от тяжелых притеснений кабардинских князей, которые искони считали Дигорию своим достоянием и угнетали население ее непосильными налогами. Глазенап согласился на просьбу Туганова тем охотнее, что этим рассчитывал подорвать материальные средства кабардинской аристократии и умалить, таким образом, влияние ее на простой народ.

Для вывода дигорцев послан был, в начале июня 1804 г., отряд генерал-майора Дегтярева из батальона пехоты, трех эскадронов драгун и двух сотен казаков с тремя орудиями.

9-го июня Дегтярев был уже на р. Урухе. Здесь он узнал, что не только большие скопища кабардинцев готовятся встретить его с оружием в руках, но и что сами дигорцы изменили первоначальное свое решение и отказываются теперь переселяться в наши пределы. Дегтярев, однако, не придав этим известиям должного значения и двинулся дальше за Урух. Только что отряд стал подходить к ущелью, ведущему в Дигорию, как близ Татар-тупа был окружен налетчиками с гор кабардинцами. Началась жестокая рубка одновременно на фронте, на флангах и даже в обозе. Положение малочисленного отряда становилось критическим. Дегтярев приказал отступать, но обратный путь и самая переправа через Урух уже были заняты горцами. С большим трудом отряду удалось пробиться за реку и уйти обратно на Малку.

Неудача эта могла оказать самое губительное влияние на положение наше в Кабарде. Поэтому Глазенап, как только узнал об отступлении Дегтярева, наскоро собрал отряд, вступил с ним 20-го июня за Малку, перешел Баксан и окружил аулы наиболее влиятельных князей. Кабардинцы, помня недавний еще разгром чегемских и шалухских аулов, явились с покорностью и по обыкновению клянясь исполнить все наши требования. Глазенап снова сдался на эти обещания. Но в то время, как он почти две недели беседовал на Баксане с кабардинскими владельцами, происками последних вспыхнул пожар восстания на другом конце линии – на Кубани». (Утверждение русского владычества... 61-62).

Глазенап направил из Георгиевска 6 рот под командой генерал-майора Лихачева на Кубань, в район урочища Белая Мечеть: «Хотя генерал Лихачев и настиг абазинцев и ногайцев, ухившихся за Кубань, принудил их возвратиться на прежние места их жительства, и затем совершил экспедицию за Кубань, но результаты этой экспедиции были вообще неудачны. Эта неудача приободрила кабардинцев и они, в сообществе с закубанцами, усилили свои враждебные действия против русских». (Грабовский Н. Ф. Присоединение... С. 185).

Августом 1804 г. датируется записка видного выдвигенца на русской службе полковника Измаил-бея Атажукина (родного старшего брата Адиль-Гирея Атажукина), адресованная высшему руководству. В ней, главным образом, подчеркиваются две причины кабардинских мятежей: 1) аннексия значительного фонда кабардинских земель: «отняли у них земли, не излишние, но такие, в которых терпят они большую нужду, как для земледелия, так и для пастбы стад своих»; 2) грубое вмешательство во внутренние дела Кабарды, нацеленное на полную дезинтеграцию кабардинского общества: «принятием у нас беглых от них внутренние их замешательства поощряются и подвластные им народы остаются в неповиновении, и что суд и расправа не производятся согласно их нравам и обычаям». (Атажукин Измаил-бей. Записка о беспорядках на Кавказской линии и о способах прекратить оные // АКАК. Т. II. С. 957-958).

Как видим, приближенный к русскому правительству и даже царскому двору кабардинский князь (лично командированный Александром на Кавказ) подчеркивал все главные причины мятежного состояния своих соплеменников и, более того, предлагал ровно то же самое, что и его младший брат, предводительствовавший восстанием.

Расправа, учиненная Глазенапом над кабардинцами и чегемцами, оказалась гнетущее впечатление на абазин и ногайцев, которые в июне-июле 1804

г. дружно потянулись за Кубань. По подсчетам ген.-м. Султана Менгли-Гирея на турецкую территорию эмигрировало 900 семейств абазин и 54 аула ногайцев. (Рапорт ген.-л. Глазенапа кн. Цицианову, от 1 августа 1804 г., № 308. Георгиевск // АКАК. Т. II. С. 942). Таким образом, сами действия военного руководства подтолкнули население региона к тому шагу, к которому его призывал Адиль-Гирей Атажукин.

В августе 1804 г. была принята экспедиция в Кабарду ген.-м. Мейера, который «наказал кабардинцев тем, что отбил у них часть стад и сжег их пасеки». (Грабовский Н. Ф. Присоединение... С. 185). В ответ в сентябре последовали ответные действия шеститысячного ополчения кабардинцев под руководством Росланбека Мисостова. Кабардинцы подступили к Георгиевску, но были отражены генералом Мейером.

3 декабря 1804 г. Глазенап вторгся в Закубанье двумя отрядами по 3 тысячи человек в каждом. Вторым отрядом командовал ген.-л. Лихачев. Отряды двинулись вверх по течению Зеленчуков в направлении предгорий, чтобы не дать скрыться аулам ногайцев. Затем силы соединились на Урупе и к 6 декабря дошли до Большой Лабы. «Движение это, – пишут авторы «Утверждения...», – сопровождалось полным разорением пройденной страны: аулы разрушались, запасы хлеба сжигались, скот отгонялся и ногайские кочевья водворялись обратно на правый берег Кубани». (Утверждение русского владычества... Т. III. Ч. 1. С. 69). 14 декабря бесленеевцы дали присягу в том, что более не будут тревожить границу и возвратят всех пленных. 8 января 1805 г. Глазенап возвратился в Баталпашинск «в глубоком убеждении, что окончательно усмирил и подчинил нам соседние племена закубанских горцев». (Там же. С. 69-70). В донесении он с большой наивностью заявлял: «надеюсь и истинно беру смелость заверить, что часть границы, начиная от земель Черноморского войска, по реке Кубани до самого хребта кавказских гор будет покойна на многие годы, и народ закубанский, чувствуя меру мести, оказанную им за наглости, долго не помыслит поколебать себя и тем нарушить блаженство своей родины, которое они долго не поправят, а через то граница Кавказа будет наслаждаться спокойствием». (Там же).

1804 г. стал, по замечанию Грабовского, «едва ли не самым тяжелым годом в борьбе России с Кавказом». (Там же). Это явное преувеличение или, лучше сказать, неправильное сформулированное замечание. Масштабных военных столкновений – таких, какие потом многократно происходили в 30-50-е гг. – в этом году не было. Но вполне правильно было бы признать, что 1804 г. являлся весьма тяжелым в осуществлении жесткого воен-

ного контроля над, казалось, уже прочно завоеванными землями.

В феврале 1805 г. последовала настоящая отповедь на записку Измаил-бея со стороны князя Цицианова. Он отверг все пункты Измаил-бея и возмущение кабардинцев полностью свел к действию внешних сил: «российскому правлению по столь давнему с кабардинцами обращению должно быть ведомо, что не на сих причинах основывается их общее восстание, а всегда на подстреканиях турецкого двора, а ныне и персидского мнимого шаха». (Донесение кн. Цицианова гр. Кочубею, от 28 февраля 1805 г., № 126 // АКАК. Т. II. С. 960-961).

В ночь на 9 марта 1805 г. Глазенап переходит Малку и приступает к своей второй масштабной карательной экспедиции против населения Кабарды. Н. Ф. Грабовский уделяет ей крайне мало внимания, ограничившись ремаркой: «конечным результатом этой экспедиции было сожжение 80 непокорных аулов». (Грабовский Н. Ф. Присоединение... С. 186). Б. К. Мальбахов подчеркивает, что «все военные действия, имевшие место во время мартовской экспедиции 1805 года, происходили по долине Баксана». (Мальбахов Б. К. Кабарда в период от Петра I до Ермолова (1722-1825). Нальчик, 1998. С. 160). Развернутое описание мартовской экспедиции 1805 г., данное авторами «Утверждения...», в весьма существенной степени уступает детальности того описания, которое содержится в этом труде о событиях 1804 г. Согласно авторам «Утверждения...», в марте 1805 г. войска Глазенапа уничтожали аулы: «Глазенап простоял на Кыз-Буруне до середины марта, ежедневно предпринимая экспедиции для разорения окрестных неприятельских аулов и отгона табунов». Количество аулов и их названия не приводятся, но делается такой вывод: «Громадные потери, понесенные кабардинцами за это время как в людях, так и в имуществе, вынудили их, наконец, покориться. Главные вожаки ушли за Кубань, остальные же князья и народ принесли присягу на верность и выдали аманатов». (Утверждение русского владычества... Т. III. Ч. 1. С. 72). По всей видимости, под 80-ю сожженными аулами Грабовский имел в виду общий итог двух экспедиций Глазенапа в Кабарду 1804-1805 гг.

Приставом Кабарды или «управляющим делами кабардинского народа» П. Д. Цицианов назначает престарелого Дельпоццо, одного из самых больших ненавистников кабардинского народа. Его воспоминания не оставляют нам сомнений в такой оценке его личности. «Они всегда противу нас суть таковые, – читаем, наверное, самую отрицательную в мировой литературе оценку качеств другого народа, – изменники, клятвопреступники стократно; легкомысленны на всякое предприятие,

злы к мщению и без пощады; вспыльчивы на поползновение к нарушению тишины и спокойствия; нарушители верности и уклоняются от правды; грубы на просвещение, предприимчивы с дерзновением к грабежу и убийству; закоснелы в раскаянии, склонны и согласны к возмущению, искатели воли и независимости, враждебны до бесконечности, нечувствительны на одолжение, укорители за самые малые одолжения; хитроковарны, лукавы, обманщики, вероломны, пронирыливы; жестокосердны, неумолимы, самонравны, коловратны, противоречивы своим мыслям и сердцу, лстыивы, горды неограниченно; изъясляя: ежели и один из них останется, то и тогда будет мстить до последней капли крови с оружием в руках; лицемеры, ветрены и непостоянны; не приоборимы никакими внушениями к повиновению, голосу разума; пристрастны к подаркам и нечувствительны к благодарности; противоборники христианам и всем их обычаям, между собою: праздны, лихоимцы, ненавистны к ближнему и ябедники, послабители и защитники преступников; имеют сильное пристрастие к магометанскому закону и изменяют ему». (Дельпоццо И. П. Записка о Большой и Малой Кабарде // Русские авторы XIX века о народах Центрального и Северо-Западного Кавказа. Т. I. Нальчик: «Эль-фа», 2001. С. 16).

Как видим, бедный старик Дельпоццо пребывал в сильнейшем отчаянии. Период, который настал сразу после пяти лет чумы, истребившей 9/10 кабардинского народа, Дельпоццо считал самым «благоприятнейшим временем» для внедрения в Кабарде военно-полицейской системы. «Уже нет возможности, – восклицает пристав, – и терпения переносить их зверские поступки».

Проводя карательную политику в Кабарде, командование стремилось не допустить бегства населения. В рапорте ген.-м. Дельпоццо от 26.03.1805 г. подчеркивается стратегическое значение Кисловодска: «кабардинцы хотят под предлогом малоимения около Кислых вод пастбищных мест, чтоб не было Кисловодского укрепленья, поелику у них состоит цель в том намерении, чтоб иметь лучший способ производить им с закубанцами воровскую коммуниацию». (АКАК. Т. II. С. 962).

Эти события изложены у Хан-Гирея как некое легкое недоразумение, не приведшее к конфликту: «В 1803-м году построено укрепление при Кислых водах, что лишило кабардинцев ближайшего и удобнейшего сообщения с закубанскими черкесами, равно и с своими соположенниками, жившими в окрестностях вершин р. Кубани; однако ж они не приступали к неприязненности». (Хан-Гирей. Записки о Черкесии. С. 159).

(Продолжение в следующем выпуске).

Самир ХОТКО.